

Глеб Чистяков

редактор Информационного отдела Московской Митрополии РПСЦ.

НАЧЕТНИЧЕСТВО В ДРЕВНЕЙ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ И СТАРОВЕРИИ.

Богословие, церковное учительство, рассуждение о предметах веры с самого основания Церкви Христовой почиталось как особое призвание и служение. Апостол Павел очень ясно указывает на наличие в его время в Церкви христиан, исполняющих обязанности учителей-дидаскалов. Так, в Первом послании к Коринфянам (12:28-29) он говорит: *"Иных Бог поставил в Церкви, во-первых, апостолами, во-вторых, пророками, - третьих, учителями"*. В послании к Ефессянам (4:11) тот же Павел пишет: *"Он (Христос) поставил одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных пастырями и учителями"*. Эти места из посланий Павла, в контексте других источников первохристианского времени, таких как Дидахе, "Пастырь Ермы", новозаветных апокрифов, дают ясно понять, что кроме иерархических степеней – епископов, диаконов и пресвитеров, харизматических – апостолов и пророков, существовала самостоятельная группа дидаскалов – лиц, имеющих особое призвание к познанию предметов веры.

Учителя веры, дидаскалы, а по-старообрядчески начетчики, упоминаются практически во всех источниках раннего христианства. Так, например, в Дидахе на этот счет говорится: *"Истинный учитель, как и всякий трудящийся, достоин своего пропитания"*. А как высоко было уважение к дидаскалам видно из того, что в Дидахе предписывается почитать их не меньше, если не больше — самих епископов: *"Не пренебрегайте епископами и диаконами, ибо они должны почитаться вами вместе с пророками и дидаскалами"* (Дидахе, 15:2). На высокое уважение к дидаскалам указывает и Ерм в "Пастыре", когда говорит, что учителя, свято и чисто учившие Слово Божию и не уклонившиеся к худому, станут пребывать в будущей жизни в одном месте с ангелами. На столь же высокое уважение дидаскалов указывает и то обстоятельство, что многие древнехристианские писатели, давая в своих сочинениях наставления христианам, оговариваются, что они пишут не как подлинны дидаскалы. Они ставят дидаскалов выше себя и их словам придают особенный авторитет. Так поступают авторы посланий апостол Варнава, Игнатий Антиохийский и Дионисий Александрийский.

По мнению исследователя раннего христианства профессора А.П. Лебедева, характер проповеднической деятельности дидаскалов был связан с разрешением наиболее сложных вопросов вероучения. Исследователь указывает, что *"с ранних времен немало было лиц в христианском обществе, которые не хотели*

довольствоваться млеком и искали твердой пищи – в духовном смысле, искали премудрости, высшего знания и разумения – в религии; им-то удовлетворить и имели в виду между прочим дидаскалы".

Дидаскалы продолжали существовать в Церкви не только дольше апостолов, но и дольше пророков. Например, в Риме, в то время как авторитет пророков начал сильно падать, в эпоху жизни Ерма, – дидаскалы еще пользовались полным почетом. В одной из своих заповедей Ерм спрашивает руководящего им ангела (пастыря), так ли нужно смотреть на покаяние, как думают известные ему дидаскалы, – и получает ответ утвердительный. В Египте, и главным образом в Александрии, дидаскалы существовали еще при Оригене; в его сочинениях упоминаются часто учителя, или "учители Церкви", или же такие лица, которые "у нас (в Александрии) мудро исполняли должность учителя". Достоинство священника и кафедру учителя Ориген оставляет на одной высоте. В III веке отдельное, самостоятельное сообщество учителей – дидаскалов начинает исчезать. Главной причиной этого становится возросший образовательный уровень лиц, имеющих иерархический сан. В христианской Церкви все большее число кандидатов в епископы имеют классическое образование, проходят обучение в христианских богословских школах или занимаются самообразованием как, например святитель Афанасий Великий. Таким образом, учителя веры, дидаскалы в большинстве своем становятся епископами. Это явление можно назвать закономерным. В эпоху Вселенских Соборов число епископов была весьма велико, и достигало шести тысяч человек. Поэтому почти каждый, сколько-нибудь заметный в духовном или богословском отношении человек, мог быть удостоен архиерейского сана.

Впрочем, нельзя сказать, что церковное учительство, свободное от высокого иерархического положения, исчезло с III века раз и навсегда. В тяжелые для Церкви моменты оно не раз возрождалось. Особенно отчетливо этот феномен проявлялся в моменты распространения крупных и опасных ересей, таких как, например, монофизитство или иконоборчество. Когда огромное количество иерархических лиц, включая значительное число епископов, уклонялись в ересь, на защиту православия выступали лица, не имеющие архиерейского сана. Среди таковых можно назвать хорошо известных исповедников и дидаскалов Иоанна Дамаскина, Викентия Лиринского, Ефрема Сирина, Максима Исповедника и многих других. Их труды по догматическим, литургическим и каноническим вопросам составили значительную часть золотого фонда православного богословия.

Святители Иоанн Златоуст, Василий Великий утверждали, что исследовать предметы веры и проповедовать добродетели должен всякий христианин вне зависимости от чина и сана. Св. Григорий Богослов по этому поводу писал следующее: *"Сие предписываю и мирянам, и священникам, и тем, которым вверено начальство (т.е. епископам): вспомоществуйте слову все, кому дана от Бога возможность. Великое дело препятствовать убийству, наказывать прелюбодеяние, обуздывать хищничество; но несравненно выше — внушать благочестие и преподавать здоровое учение"*.

В сложной ситуации оказалась Русская Церковь после отступления патриарха Никона и большинства русских епископов от православия. Вся ответственность за сохранение чистоты веры легла на плечи священников, иноков и мирян. Учителями веры, новыми дидаскалами стали образованнейшие личности того времени: священномученики и исповедники Аввакум, Никита Добрынин, диакон Александр, иноки Соловецкого монастыря, братья Денисовы.

В XVIII и XIX веках непрекращающиеся гонения, оскудение священства, идеологическая борьба с древлеправославием привели к парадоксальным результатам. Как в раннехристианские времена в Церкви возобновился независимый институт защиты и проповеди веры. Староверческого дидаскала-начетчика можно было встретить и в таежном монастыре, и на сельской ярмарке, и в городской моленной. Недаром в этот период в народе говорили, что любой старовер знает о расколе больше, чем синодский поп.

Стремительное развитие начетничества во второй половине XIX века дало Церкви таких замечательных деятелей как братья Мельниковы, Д.В. Варакин, М. Бриллиантов, В.Т. Зеленков, Н.Д. Зенин, А.Д. Токманцева и многие другие.

Возобновление трехчинной иерархии в 1846 году и появление в России старообрядческих епископов не повлияло на развитие института начетчиков-дидаскалов. Епископы и другие духовные лица находились под постоянной угрозой ареста. Большинство из них были вынуждены постоянно скрываться, переезжать с места на место. О кропотливой богословской работе, а тем более о публичной деятельности не могло быть и речи. По этим вполне объяснимым причинам начетничество несравненно шире распространялось в среде мирян. Когда в конце XIX века наступило некоторое ослабление репрессивной политики, первыми епископами-дидаскалами стали бывшие начетчики-миряне. Среди таковых в первую очередь следует назвать Арсения Уральского (Онисима Швецова) и митрополита Иннокентия Белокриницкого (Ивана Усова).

В начале XX века российские начетчики создали целый ряд центральных и региональных организаций. Самыми известными из них были "Союз старообрядческих начетчиков" и Братство имени Честного и Животворящего Креста Господня. После 1905 года сотрудники этих организаций развернули не только богословско-апологетическую, но и широкую издательскую деятельность. Ежегодно ими издавалось литература общим тиражом 120 тысяч экземпляров. Деятельность этих организаций была столь эффективна, что антистарообрядческие подразделения синодального миссионерства оказались в богословском и церковно-археологическом тупике. Начетчиками было окончательно опровергнуты теории об апостольском происхождении трехперстия и имяславного благословения, разоблачены многочисленные фальшивки, составленные в защиту реформы патриарха Никона. Новообрядцы де-факто были вынуждены признать свое поражение и отступить на новую догматическую почву - учение о равноспасительности обрядов.

Октябрьская революция внесла серьезные и даже катастрофические коррективы в церковное учительство. Если не брать во внимание, безусловно, блестящие выступления и книги Ф.Е. Мельникова, направленные на опровержение безбожия, то в целом начетничество перестало играть существенную роль в жизни Церкви. Кто-то из начетчиков был репрессирован, другие бежали за границу. Большевистские репрессии, направленные против старообрядческого духовенства, почти полностью уничтожили его образованную и активную часть. К началу 50-х годов XX века старообрядческая Церковь пришла интеллектуально обескровленной. Последним оплотом старообрядческих дидаскалов стали немногочисленные уставщики и головщики довоенного призыва. Но и их ряды с годами таяли. К концу семидесятых память о былом величии легендарного старообрядческого начетничества практически стерлась.

Когда в конце 80-х годов древлеправославным христианам второй раз за XX век была дарована свобода вероисповедания, уже некому было заниматься ни богословием, ни апологетикой, ни тем более проповедью веры. Переиздание в 90-х годах сохранившихся трудов дореволюционных начетчиков смогло лишь отчасти закрыть эту брешь. Однако современные вопросы в подавляющем большинстве так и остались без ответа. Этим, кстати, объясняется и то, что во многих изданиях 90-х годов шла обычная перепечатка дореволюционных материалов. Отсутствие литургического и богословского просвещения привела к утрате некоторых древлеправославных традиций, усилению влияния инославных конфессий. В конце XX – начале XXI века перед староверием были поставлены новые вопросы.

Их содержание во многом определяется изменившимся дрейфующим в стороне от религиозной грамотности постиндустриальным обществом.

До революции среднестатистический россиянин имел представление хотя об основах христианского вероучения. Самое главное – в те годы действовал авторитет Священного Предания и вообще христианской древности. Главной задачей начетчиков в то время была необходимость убедить человека в том, что в староверии Священное Предание хранится в наибольшей полноте, в то время как в других конфессиях оно серьезно повреждено. После 70 лет господства богоборчества ситуация сильно изменилась. Для современного россиянина словосочетания "Священное Писание" и "Священное Предание" – пустой звук. О хождении посолонь и сугубой алилуйи и говорить нечего. Выпускнику советской школы это все напоминает коллизии свифтовских остроконечников и тупоконечников, ведущих кровопролитные войны из-за спора, с какой стороны лучше бить яйцо. А потому способы религиозной апологетики и проповеди Старой Веры несомненно будут меняться. В какую сторону – покажет ближайшее будущее.